

что ему больше дѣлать нечего, какъ исполнять волю пославшаго и значить отдавать жизнь служенію людямъ. «Помни, что ты работникъ дѣла Божьяго».

Въ строгихъ слѣдствіяхъ отсюда Толстой доходитъ до того, что изгоняетъ радость и наслажденіе изъ жизни, какъ нѣчто такое, чему въ жизни просто-напросто нѣтъ мѣста, ибо вся человѣческая жизнь есть не что иное, какъ работа, данная творцомъ, путь внутренняго роста и духовнаго освобожденія. Опредѣляются цѣли только работы и только служенія. Непосредственное ощущеніе жизни, какъ радость и даже наслажденія духа въ его осуществленіяхъ, въ порывахъ уничтожается. Писатель напуганъ моральной казнью за неправый путь, напуганъ собственными бурями и взрывами и ищетъ каменной твердой стѣны нормъ и уставовъ. «Жизнь по христіанскому ученію,—говоритъ онъ.—есть ни радость, ни страданіе, а есть рожденіе и ростъ истиннаго духовнаго «я» человѣка, при которомъ не можетъ быть ни радости, ни страданія». Не впадаетъ ли тутъ мыслитель до нѣкоторой степени въ буддизмъ? Духовное ликование, свободное влеченіе души къ Свѣту и высшій экстатический восторгъ сліянія со свѣтомъ—предполагается ученіемъ Христа явно.

Не вразрѣзъ ли также съ подлиннымъ хри-